

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЛАДИСЛАВ СТРЕЛКОВ

**ТРОПОЙ
МУЖЕСТВА**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С84

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 7

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Стрелков, Владислав Валентинович

С84 Тропой мужества: роман / Владислав Стрелков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 416 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-145492-0

Трое молодых парней с их революционным изобретением, которое даст все блага современного мира, вдруг оказываются на войне. Страшной, разрушительной, но давно прошедшей. На города падают бомбы, с самолетов расстреливают беженцев, вешают, сжигают, уничтожают... и вроде ты ни при чем, и не телом на этой войне, а лишь сознанием... но боль и страдания как свои, а враг вот он, перед глазами... и его надо уничтожить. А потом вернуться и решить — исправить ошибку в своем изобретении и забыть о том кошмаре. Или вернуться на войну и попытаться помочь? Как трудно сделать выбор...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-145492-0

© Владислав Стрелков, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

От автора

Я родился через 26 лет после Победы. И о той войне знаю только из фильмов и воспоминаний ветеранов. Еще в курсантскую пору в Минске общался с ветеранами, о войне они говорили нехотя. У нас был преподаватель-ветеран. Имел боевые награды, и мы очень его уважали. Но на просьбы рассказать о боевом пути он хмурился и отказывал. И я понял — неприятно ветеранам вспоминать войну. Им вновь приходилось переживать тот ужас и боль. Это подтверждает один факт. Все знают фильм «В бой идут одни «старики»», финальный эпизод у могил, разговор Титаренко и Макарыча. Смирнов его не играл, он жил войной в тот момент, ибо вновь переживал боль. По воспоминаниям участников съемок был всего один дубль, так как Алексей Макарович сказал, что повторить просто не сможет.

Почему я пишу о войне?

Мне надоела та ложь, что представляют нам сейчас. Ложь о повальной ненависти к согражданам сотрудников НКВД. Ложь об одной винтовке на двоих. О приказах добыть оружие в бою. Ложь о повальном вооружении немцев автоматами, ошибочно именуемыми «шмайссер», против наших бойцов с винтовкой Мосина. Ложь о «генерале Морозе», о штрафных ротах и батальонах, о том, что СССР завалил немцев телами своих солдат...

Тема войны сейчас популярна, в основном в жанре попаданцев и альтернативной истории. Очень много авторов, пишущих в этом жанре о войне. И подавляющее

большинство авторов стремится донести правду о той войне. Пусть и в фантастическом жанре.

В моей книге тоже есть доля фантастики. Но совсем немного. Чуть-чуть. Ибо главный посыл — сами люди той поры. Их мечты, устремления, их жизнь. И подвиг. Этого не отнять и невозможно не признать. Эта книга о героях и просто людях, которые сражались на фронтах, сражались в тылу. Все для фронта, все для Победы!

И у станков не спали дети,
И бабы в гиблых деревнях
Не задыхались на полях,
Ложась плечом на стылый ветер...¹

Это все было! Это нельзя забывать.

Свой путь в жизни мы выбираем сами. Какой он будет, нам не известно. Можно идти к мечте, перешагивая через других. Можно идти и помогать. Любить, сочувствовать. И помнить о тех, кто дал нам право жить.

Да, у каждого есть свои мечты. Каждый выбирает свой путь к мечтам. Выбирает свою тропу.

Я хочу пройти тропой мужества. И зову вас за собой.

---

¹ А. Розенбаум.

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь. —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

А. Т. Твардовский

Пролог

27 июня 1941 года

— Тебе расстаться со мною легко-о-о. Ты будешь завтра уже далеко-о-о. И что осталось от нежных слов? И где же наша-а-а любовь?

— Курт! От твоего пения зубы ломит.

Дильс замолчал, рассматривая русскую винтовку — приклад расщеплен, затвор открыт и забит землей. Впрочем, оценивать повреждения не его дело. Кинув винтовку в общую кучу, он подобрал для осмотра другую, вновь затянув привязавшийся мотив:

— Тебя любил я и тебе доверя-ял. Угодно судьбе, чтоб тебя потеря-ял? Но мой отве-ет — нет, нет и не-е-ет!

— Курт, сукин ты сын! Заткнись, ради всего святого!

— Ладно, Ральф, — отозвался Дильс, — помолчу, раз ты не любишь хорошие песни.

— Я люблю хорошие песни, — возразил Шульц. — Только ты подражаешь Руди Шрике, а выходит скрип старой мельницы.

— Тогда спой что-нибудь сам.

— Аудитория моего пения не оценит, — усмехнулся Ральф, кивнув на мертвые тела. — Так что петть я не буду, и ты лучше помолчи.

Поле было изрыто, испахано, обезображено до неузнаваемости. Еще два дня назад тут простирался ровный луг, а сейчас остались одни воронки. Едко пахло сгоревшей взрывчаткой, порохом и вонью тления. Много

истерзанных, разорванных пулями, минами и снарядами тел, а погода стоит жаркая...

Русские держались два дня. Дрались ожесточенно, кидаясь в безнадежные контратаки. Гибли, но не сдавались. Пленных не было. Погибли все. Но и камрады потеряли тут до двух взводов убитыми и ранеными. После боя прошлись по разбитым окопам, добывая еще живых. Затем унесли павших товарищей. А потом наступило время трофейщиков.

Винтовки, пулеметы, боеприпасы...

Все пригодится. Все пойдет в дело, ибо орднунг. Во всем должен быть порядок.

Пока Дильс возился с винтовками, Шульц, складывал в общую кучу солдатские мешки русских. Ральф знал, у русских они вместо ранца и там может быть много чего, что может пойти в дело, а главное пригодится самому. Он остановился около убитого. Русскому снесло полголовы. Лежал он на боку, а за плечами был объемистый мешок. Осторожно избавив тело от мешка, Шульц попытался его развязать, но попытка сразу не удалась — вся горловина вместе с затянутым узлом была пропитана кровью. Тогда он вынул нож и несколько раз полоснул по узлу, после чего вытряхнул содержимое. Удовлетворенно поцокал — кровь до вещей не добралась. Комплект чистого белья, полотенце, пара железных банок, очевидно тушенка, полбуханки черного хлеба, завернутой в газету, фляжка. Шульц быстро скрутил крышку, понюхал, глотнул немного, удовлетворенно осклабился. Эта фляжка уже шестая, но в тех была водка...

Ральф покосился на Дильса. Сообщить о находке или не стоит? Или...

От пришедшей мысли Шульц усмехнулся и, хитро глянув на напарника, воскликнул:

— Курт, я бимбер нашел! Чистый, как слеза младенца! Будешь?

— Спрашиваешь! — тут же отозвался тот. — Глоток-другой никогда не помешает.

— Только не много, а то Большой Ганс заметит.

Курт взял протянутую флягу и сделал хороший глоток, тут же его глаза полезли из орбит, лицо покраснело, он поперхнулся и закашлялся, а Ральф засмеялся, довольный своей шуткой.

— Свинья ты, Ральф, — еле выговорил Дильс. — Это же спирт! Воды дай...

Шульц хотел было закончить шутку, дав напарнику флягу с водкой, но передумал. Достал с водой.

— Держи, и закуси, а то окосеешь и вновь попадешься Большому Гансу.

— Тогда многие попались, но отдувался один я, — буркнул пришедший в себя Курт. Достав из ранца галеты и банку сардин, ловко вскрыл ее ножом и принялся поглощать консервированную рыбу.

— А не надо было пить столько пива.

Дильс поморщился, вспоминая тот случай. Это произошло три дня назад. Лихие гренадеры проскочили небольшое русское село, а их трофейная команда расположилась в самом центре села у дома с закрытыми ставнями и дверью. Парни сразу заинтересовались — что внутри дома? Живо сорвали замки, вошли и обнаружили склад продуктов, среди прочего нашли бочки. С пивом.

Единогласно признали — пиво дрянь, что не помешало вылакать чуть ли не половину. Потом явился Кранке...

— Эта кислятина не пиво. Мой отец варит пиво.

— Парни не жаловались.

— А попало мне.

— Ладно, — поднялся Шульц, — надо работать. Иди, вон там приклад виден.

Жуя очередную галету, Курт направился к огромной воронке, на краю которой торчал приклад русской винтовки.

— Ферфлюхте...

— Что? — обернулся Шульц.

— Тут русский. Живой.

Тело шевелилось под слоем земли. Стон, больше похожий на скрип, был еле слышен.

— Живучий народ эти русские, — сморщился Курт. — Смотри, ему почти оторвало руку и ногу, но живет. Мучается...

— Так пристрели, раз тебе его жаль, — флегматично посоветовал Шульц.

— Нет, я не жалостливый. — Скинув с плеча карабин, Курт навел его на шевелящееся тело и вдавил спуск. Бабахнувший выстрел всполошил отдыхающее отделение у роши.

— Алярм! — Один из солдат мгновенно взлетел на бронетранспортер и, развернул пулемет, остальные рассыпались рядом с машиной.

Ральф поднял руку, показывая, что все в порядке и опасности нет. Пулеметчик что-то сказал солдатам, и к трофейщикам направился один из солдат.

— Обершутце Нойманн, — представился подошедший. — Что тут у вас, камрады?

— Пристрелил русского, — ответил Курт, кивая на тело.

— А-а-а, — кивнул солдат, и его взгляд остановился на покачивающемся Дильсе.

Шульц выругался про себя. Трофейные спирт и водку он уже спрятал, делиться с гренадерами не собирался. Но Курта, несмотря на хорошую закуску, развезло. Шутка оказалась хоть и смешной, но не очень удачной. Не дай бог узнает Большой Ганс...

Ральф решил, что лучше поделиться трофеями. Он достал одну из фляжек с водкой, добавил три банки русских консервов, сверток с салом и протянул все обершутце.

— Держи, камрад, за беспокойство.

— О, спасибо, камрады, — довольно осклабился солдат, — если что, зовите. У меня был товарищ, лучшего ты не найдешь... — начал петь Нойманн, уходя.

— Бараба-а-ан пробил бой, он шел рядом со мно-о-ой... — подхватил Курт гнусаво.

— Курт, заткнись, ради всех святых! — разозлился Шульц и услышал хохот Нойманна.

— Понимаю тебя, дружище! — крикнул тот. — Не каждый такое выдержит.

Курт тоже засмеялся, но петь перестал. Он присел около трупа и вытащил из кармана мертвого русского документы, и среди них обнаружил фотокарточку. На ней молодая и очень красивая женщина держала удивленную девчущку, а рядом, положив руку женщине на плечо, стоял строгий военный. Курт покосился на труп, хмыкнул и принялся рассматривать женщину.

— Смотри, какая красивая фройляйн!

Шульц покосился на фото.

— Фрау, Курт, фрау. Эта женщина замужем, разницу чуешь?

— Без разницы. Она уже вдова.

— Русская вдова, — поправил Ральф. — А ты женат?

— Не, не сподобился.

— Почему? Хотя не говори, — Ральф усмехнулся, — и так все ясно. Наши фройляйн любят статных и подтянутых мужчин.

Курт не ответил, тяжело вздыхая. Он и так знал, что форма ему не идет. Что поделать, если природа обделила статью и внешний вид выпадает из общего принципа — немец, одетый в военную форму, выглядит так, словно в ней родился. Наоборот, внешний вид Дильса являлся объектом всевозможных шуток, которые не доходили до откровенных издевательств только благодаря фельдфебелю Кранке. Большой Ганс осаживал остряков, но сам, раздражаясь, не забывал обязательно припахать нерадивого Дильса.

— Курт.

— Что?

— Ты зачем в армию пошел?

— Как зачем? — удивился Дильс, вытаскивая винтовку из воронки. — Хочу после войны получить тут надел.

— Хотеть не вредно, — усмехнулся Ральф. — Наделы первыми получают камрады из строевых, что заслужили это право в боях.

— Земли у русских много, — возразил Курт. — Всем хватит.

Тут Дильс замер, смотря в глубину воронки.

— Что там? — спросил Шульц, подходя.

— Еще один живой Иван.

Этот русский не стонал. Просто смотрел, и в глазах его читалось презрение с лютой ненавистью.

Шульц оглянулся — свой маузер он оставил около ранца. Но рядом стоял Курт с карабином на плече.

Оружия у русского не было. Но это ничего не значит — были прецеденты. Поэтому приближаться к «Ивану» не спешили. На первый взгляд этот русский был не опасен. Вся его голова в крови, рваная рана в левой руке, перебиты ноги, из живота вывалились кишки. Удивительно, как он еще не сдох...

Вдруг русский рассмеялся. Сначала нервно, отрывисто, затем его смех стал ровней. Он смеялся, придерживая выпадающие потроха. Кровь сочилась сквозь пальцы. Но русский смеялся, и это было жутко...

— С ума сошел, — ежась, констатировал Курт.

— Пристрели и дело с концом, — пожал плечами Шульц и шагнул ближе. — У нас еще много работы.

Курт скинул с плеча карабин, но русский замолк и, сверкнув яростным взглядом, неожиданно сказал по-немецки:

— Вы мертвы!

Дильс и Шульц оторопели.

— Вы уже мертвы! — повторил русский. — Сдохнете. Пусть не сейчас, но все равно сдохнете. Не будет никакого земельного надела на Священной Русской земле! Будет лишь березовый крест или вообще ничего. Один лишь прах. Да, от вас останется только прах! — голос русского зазвенел. — А мы придем на вашу землю. Все придем. Ваш бесноватый фюрер застрелится, когда наша армия будет

штурмовать рейхстаг. Восьмого мая Германия капитулирует. А девятого мая будет Победа! Это будет! Будет!

И русский вновь захохотал.

Шульц тупо смотрел на русского, с трудом переваривая его слова. Дильс мгновенно протрезвел. Он скинул с плеча карабин, собираясь пристрелить этого «Ивана», но в этот момент что-то глухо хлопнуло, русский отвел руку от живота, и Курт увидел гранату.

— Гранатен! — крикнул Шульц, отскакивая, но не успел. Вспышка разрыва совпала с выстрелом. Это все, что успел сделать Дильс.

Глава 1

Наши дни

— Семьдесят два... семьдесят три...

Весь народ в фитнес-центре сегодня собрался в одном месте. Случайный спор вылился в соревнование — кто больше подтянется. И ставка — десять бутылок элитной водки. Но не это главное. Главное принцип — самые лучшие это... вот тут сошлись два мнения — кто круче — морпехи или десантура? Спор мгновенно накалился. «Морпех» как решение предложил спарринг, «десантник» согласился. Некоторые присутствующие поддержали, желая увидеть настоящий бой двух сильных бойцов, но большая часть были против. А спорщикам уже было плевать на мнения присутствующих, ибо задета честь. Однако к ним подошли их друзья и мягко перенаправили на турники.

— Семьдесят четыре... семьдесят пять...

Присутствующие разделились на две стороны. Каждый болел за своего. Азарт захватил весь зал. Делали ставки, подбадривали криками и хором считали:

— Семьдесят шесть... семьдесят семь...

Два крепких парня. Мускулистые, статные красавцы. Обоих украшали шрамы. У «морпеха» рубец шел наискось груди, у «десантника» на предплечье след ожога, который немного портил татуировку.

Подтягивались одновременно, на общий счет. И это было правильно. Бугрились накаченные мышцы, притягивая взоры восхищенных дам. Рельефно выделялся пресс, вгоняя в меланхолию мужиков с пивным животиком.

Лишь один парень смотрел на действие спокойно. Он сидел на тренажере, иногда прикладываясь к бутылке с водой. На турнике его друг. С детства вместе. Детсад, школа, и в армию тоже вместе, но служить выпало в разных войсках. Друг попал в десант, а куда еще направить призывника Маргелова Василия Дмитриевича? А он, Жуков Сергей Евгеньевич, попал в разведку. Что говорить, армия — хорошая школа, и Сергей нисколько не пожалел. Отец мог «отмазать» его от службы, но сын был против. Против мнения родителей. Учеба подождет, а армия... дед рассказывал, как они бегали смотреть на проходящие маршем батальоны и неуклюже маршировали следом, как один раз их сняли с поезда, когда с друзьями собрались сбежать на фронт. Прадед Сергея погиб в самом начале войны. И Жуков считал, что он должен, просто должен стать настоящим мужиком. И нисколько не пожалел.

— Восемьдесят! — заревели в зале, встречая очередной десяток. — Восемьдесят один...

Жуков заметил, что «морпех» начинает сдавать. Нет, он еще крепился, подтягиваясь одновременно с Васькой, но уже делает это с явным трудом, а Маргелову это «семечки». У него как-то появился бзик — поставить рекорд по подтягиванию, и он начал интенсивно заниматься в этом направлении, но начавшаяся учеба в институте заставила сократить тренировки. Однако подтянуться он мог уже две сотни раз.

Сергей взглянул на часы, висящие на противоположной стене, и поморщился.

Четвертый час, опаздываем. Паша будет в ярости, подумал Жуков. Ничего, «безумный профессор» со своим изобретением подождет. Хотя это не изобретение, а скорее удешевление, что может в результате принести им хорошие деньги. Если, конечно, фирмы, выпускающие один медицинский аппарат, заинтересуются новой технологией.

Паша... генератор идей. Еще в школе выдавал на-гора всякие изобретения. Большинство идей были откровенно безумными, что определило и кличку — «Нимнул»,